

O‘zbekiston Respublikasi

Oliy va o‘rta maxsus ta’lim vazirligi

SAMARQAND DAVLAT CHET TILLAR INSTITUTI

XORIJIY FILOLOGIYA

til • adabiyot • ta’lim

ilmiy – uslubiy jurnal

Samarqand

2 (63)/ 2017

**Ministry of Higher and Secondary Special
Education of the Republic of Uzbekistan**

SAMARKAND STATE INSTITUTE OF FOREIGN LANGUAGES

FOREIGN PHILOLOGY

Language • Literature • Education

Scientific-methodology journal

Samarkand

АДАБИЁТШУНОСЛИК

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ В ПРОЗАХ ВИКТОРА ГЮГО

Тоирова Дилфуза,

старший преподаватель Самаркандского Филиала ТУИТ

Ключевые слова: автор, роман, критики, опыт, изучение, жанр, исторический, знание, основа, время, фантастический, литература, интерес, культура, цивилизация, классический, монархия, борьба, племя и.т.д.

Переход Гюго на новые эстетические позиции обнаруживается и в прозе. После выхода в свет первого издания «Од» Гюго принялся за роман «Ган Исландец», задуманный за год до того.

В 1833 году, переиздавая «Гана Исландца», Гюго счел нужным сопроводить его новым предисловием. В это время «Собор Парижской богородицы» был в зените своей славы, но вместе с тем подвергался жестокой критике. Как всегда в таких случаях, желая принизить рецензируемое произведение и задеть автора, критики утверждали, что Гюго утратил талант, пошел по неверному пути, и первые его произведения гораздо лучше последних. Предисловие 1833 года должно было ответить на эти выпады, а также оправдать перепечатку романа десятилетней давности.

В 1833 году многое в этом романе казалось Гюго ребяческим, недоделанным и непродуманным. Единственное, что было в «Гане Исландце» создано по собственному опыту и на основании наблюдения, это любовь двух молодых людей, пишет Гюго. Все остальное - «угадано», то есть придумано, и придумано без достаточных изучений и размышлений. На этом основании он называет свой роман «фантастическим» — в эти годы «фантастический» жанр как раз входил в моду. Конечно, «Собор Парижской богородицы» заключил в себе гораздо больше исторического труда и знаний, а во многих исторических романах конца 20-х годов местный колорит был богаче и глубже, чем в «Гане Исландце». И

все же, работая над этим романом, Гюго довольно тщательно изучил изображаемую им страну и эпоху. Сюжет был построен на исторической основе, а детали воспроизведены с возможной для того времени точностью. По жанру и характеру «Ган Исландец» представляет собою, конечно, не фантастический, а исторический роман, типичный именно для начала 20-х годов, для эпохи, когда приключенческий и «черный» роман на исторические темы все больше наполнялся историей и превращался в роман исторический.

Почему Гюго, задумав «роман в духе Вальтера Скотта», обратился к столь экзотической и мало известной во Франции стране, как Норвегия? Ведь еще в 1824 году Дювике утверждал, что Скандинавия не имеет ничего общего с Европой, а потому её древняя история не может заинтересовать современного европейца, между тем как Америка, став европейской колонией, представляет для него интерес.

Но это говорил строгий классик. Уже в течение полувека во Франции очень интересовались этой далекой и малоизвестной страной и даже ее литературой. «Северная» литература, противопоставленная «южной», долгое время считалась литературой романтической по преимуществу, обладающей свойствами прямо противоположными литературе классической.

Этим объясняется интерес к другим культурам и цивилизациям, которые могли бы дополнить или обогатить

традиционный французский рационализм, в частности к поэзии и нравам скандинавов. Как раз в 1810-е годы появляются романы на скандинавские темы: в 1815 году переводится роман мисс А. М. Портер «Норвежский отшельник», в 1818 году М. Мардель печатает пятитомный роман «Норвежские принцы, или Мнимое братоубийство». В 1817 году Гюго пишет трагедию «Ателия, или Скандинавы».

Три страны, судьбы которых так тесно сплетались в течение столетий, интересовали французов проблемами своей государственной жизни.

Швеция была, пожалуй, самой интересной из этих стран, — не только потому, что военная авантюра Карла XII вдохновила Вольтера и много раз обсуждалась французскими историками. Длительная борьба короля с дворянской реакцией и победа над нею, одержанная благодаря помощи со стороны трех непривилегированных сословий, сопровождалась крестьянскими, налоговыми и административными реформами, которые издали казались демократическими, хотя король прежде всего старался укрепить собственную власть. В течение долгого времени эта борьба короля с дворянством делала короля в глазах непривилегированных сословий как бы представителем народа, «демократическим монархом». Таким образом, Гюго он мог казаться идеальным монархом, расторгнувшим старые связи с дворянством и заключившим союз с народом, — ведь именно этого ожидал молодой Гюго от Бурбонов и именно эти иллюзии заставляли его воспевать «законных» королей.

В эпоху национально-освободительного движения во всей Европе судьба Норвегии приобретала острый интерес. После договоров 1814—1815 годов Норвегия, в течение последних лет слабо связанная с Данией, рассматривала свою унию с Швецией как добровольное соединение с нею и требовала независимости в своих

внутренних делах. Отсюда — политические трения, восстания в Христиании, а в 1818 году ряд крестьянских восстаний в деревнях, вызванных введением новых налогов и, следовательно, направленных не столько против короля, сколько против стортинга. Гюго, при всем своем монархизме сочувствовавший национально-освободительному и даже демократическому движению, должен был с особым интересом отнестись ко всем этим событиям, вызвавшим отклики в политической прессе. Возможно, что замысел «Гана Исландца» возникает под влиянием событий 1818 года, во всяком случае в период, тотчас за ними последовавший.

Для французов основным источником сведений по истории Дании уже более полувека была книга П. А. Малло «История Дании». В этом огромном сочинении, переиздававшемся в XVIII веке трижды, рассказывается история древнегерманских племен, населявших Скандинавию, описывается их религия, культура, фольклор, даются переводы из «Эдды», из древне северных поэм. Затем, переходя к эпохам историческим, Малле из года в год, в виде хроники, сообщает все факты, которые находит в своих источниках. В XIII книге он подробно рассказывает драматический эпизод датской истории XVII века — жизнь и деятельность знаменитого временщика, политического деятеля и дипломата графа Гриффенфельда.

Судьба Гриффенфельда довольно характерна для абсолютных монархий XVII века. Сын простого виноторговца Шумахера, в правление Фридриха III он был библиотекарем, затем личным секретарем короля и автором «Lex regia» (1665), датской конституции, утверждавшей королевский абсолютизм. Эта конституция по существу была делом рук датской буржуазии, вырвавшей у дворянского сената высшую власть, которую он временно захватил при вступлении на престол Фридриха III. При

Христиане V, первом из датских королей, вступившем на престол согласно новому закону о престолонаследии, Шумахер стал всемогущим фаворитом. Борясь со старым феодальным дворянством, считая идеалом французский абсолютизм Людовика XIV, он создал новое дворянство с новыми титулами и привилегиями, которых прежнее дворянство не имело. Возросла дисциплинарно - полицейская власть дворянства, и оно получило право не только судить и сечь крестьян, но и ссылать их в каторжные работы.

Эти дворянские привилегии легли тяжелым бременем на сельское население Дании и Норвегии. Между тем Шумахер получил титул графа Гриффенфельда и огромные земельные владения. Император Леопольд пожаловал его титулом графа Империи, а маркграф Бранденбургский отдал ему в ленное владение остров Воллин. Шумахер присвоил себе разные почетные должности и наградил себя им же самым учрежденным орденом Слона и орденом Данеброга. Но в скором времени его многочисленным завистникам и врагам удалось уверить короля в государственной измене графа Гриффенфельда, который был арестован, предан суду и приговорен к смертной казни. По ходатайству нескольких лиц король заменил смертную казнь пожизненным заключением в крепости Мункхольме. Лишь в 1799 году, после двадцатипятилетнего заключения в крепости, шестидесятичетырехлетний узник был выпущен на свободу и восстановлен в своих званиях. Вскоре после выхода из крепости он умер. В этой биографии Гюго привлекла прежде всего ее типичность. Можно было бы назвать десяток подобных временщиков, вознесенных милостью монарха, собственными интригами или талантами до высшего могущества, а затем низвергнутых с этой высоты, казненных, заключенных в крепость или сосланных. Граф Гриффенфельд был таким игрищем судьбы, и его жизнь при всей ее типичности могла бы показаться почти

фантастической. Но Гюго увидел в этом эпизоде нечто большее: как всякий, кто обращался в эту пору к истории, он хотел найти в ней нравственный смысл, и, с другой стороны, подтверждение своих собственных политических взглядов. Политическая деятельность Шумахера представлялась ему двойственной: прежде всего, это был верный слуга государства и короля, уничтоживший власть феодального дворянства и создавший нечто вроде «народной» или «демократической» абсолютной монархии. Этот человек, вышедший из народа и ставший великим канцлером королевства, уничтожил дворянство потому, что он был представителем народа, — о демократическом происхождении великого канцлера в романе упоминается неоднократно. Шумахер словно осуществил идеал Гюго — идеал народного советника и министра при демократическом абсолютном государе.

Но Шумахер пошел дальше: утвердив абсолютизм и раздавив дворянскую оппозицию, он создал новое дворянство и отдал ему во власть народ. Тем самым он восстановил зло, с которым боролся, и, увлеченный блеском чинов и титулов, личным честолюбием, толкнул Данию на тот путь, который Францию привел к революции. В этом, по мнению Гюго, заключалась историческая и нравственная вина Шумахера, за которую он получил должное возмездие: «Те, кого он вознес, погубили его, и он не смел говорить о неблагодарности. Мог ли он жаловаться на то, что под его ногами обломились ступени, которые он воздвиг для того только, чтобы самому по ним подняться?» Новейшая французская история и то, что происходило в современной Франции, заставили Гюго обратить свое внимание на этот эпизод из датской истории полутора вековой давности.

Источники, которыми пользовался Гюго, немногочисленны. На французском языке мало было дельных книг, посвященных Скандинавии и, в частности,

Норвегии. Кроме «Истории Дании» Малле, Гюго за географическими и экономическими деталями обратился к «Путешествию в Норвегию» Фабрициуса, переведенному на французский язык в 1802 году. «Эдду» Гюго прочел в переводе Малле, напечатанном в том же его произведении.

Сквозь весь роман проходит идея «демократической монархии», характерная для Гюго в начале 1820-х годов. Сюжет построен так, чтобы подкрепить эту идею.

Шумахер поступил правильно, уничтожая политические права феодалов, по совершил роковую ошибку, укрепляя социальные привилегии дворянства. С падением Шумахера восторжествовала дворянская партия, та самая аристократия, которую он неосторожно создал.

Это была партия антинародная, приведшая государство к катастрофе, а народ к нищете. Король был введен в заблуждение, он не виноват, так же как не виновата королевская власть. Король — всегда добр и демократичен, но управляет не он, а министр. Дурной министр притесняет народ, добрый — распространяет благоденствие. Задача — в том, чтобы довести до сведения монарха истину и позволить ему быть справедливым. Между королем и народом стоят посредники. Если эти посредники — жадная, ищущая своей личной и классовой выгоды аристократия, поставившая у трона своего министра, народ страдает и возмущается. Если министр — из третьего сословия, он соблюдает интересы народа, так как враги народа — только феодалы-аристократы, привилегированное сословие, к которому льнут всякого рода проходимцы, жаждущие несправедливых доходов. Согласно этой схеме и разыгрываются события романа.

Рудокопы, изнемогающие под бременем тяжкого налога, «королевской опеки», поднимают восстание. Королю неизвестны их тяжелое положение и их жалобы. Злой министр, занявший место Гриффенфельда, не только не беспокоится

о них, но усугубляет их нужду, чтобы подкупом и обманом спровоцировать восстание. Восстание подавлено вооруженной силой. Но в числе восставших оказался сын вице-короля, и благодаря найденным документам и предсмертным признаниям заговор раскрывается, злого министра смещают, справедливость торжествует, а рудокопы освобождаются от «опеки». Сын вице-короля Орднер Гульденлев, случайно попавший в войско повстанцев, оказывается посредником между всемогуществом короля и рабочими, которых притесняют от имени короля. Рабочие, подняв бунт, совершили безумие, но их подбили на это провокаторы. Несмотря на восстание, они были избавлены от ненавистной «королевской опеки» монаршею Милостью и властью, которая всегда справедлива и демократична. Это несколько напоминает восточные сказки, в которых молодой халиф отправляется инкогнито в гущу своего народа, узнает о злодеяниях визиря и, вернувшись во дворец, расправляется со злодеем и благодетельствует народу.

Вместе с тем Орднер Гульденлев продолжает традицию, типичную для романов Вальтер Скотта и множества французских романов: так же, как герои Скотта, он помимо собственной воли принимает участие в народном восстании, оказывается «предателем» и с трудом избегает наказания. Эта роль дает автору возможность поставить нравственную и политическую проблему и вместе с тем показать «изнутри» психологию восставших и причины, побудившие их пойти на открытое сопротивление.

«Ган Исландец» изобилует убийствами и казнями. Если количество смертей в романе определяет его оптимизм или пессимизм, то «Гана Исландца» следовало бы признать одним из самых пессимистических произведений мировой литературы. Однако задача его — утверждение оптимизма.

Несправедливо осужденный Шумахер разочаровался в жизни и в людях. Он не верит в добродетель. Повсюду он видит доказательство того, что все к худшему в этом худшем из возможных миров. Познав людскую неблагодарность, он не замечает людей, которые выполняют свой долг без задней мысли. Этот пессимизм — его грех и его ошибка. И вот почему.

Основным предметом философских споров между ультрароялистами и либералами в начале XIX века было понятие «совершенствования». Это понятие, впервые с большой остротой выдвинутое философией Просвещения, предполагало необходимость умственного и общественного развития, следовательно, оправдывало Французскую революцию, современное неверие, свободу мысли, конституцию. Это учение было оптимистическим по своей сущности, так как предполагало, вместе с умственным и общественным, также и нравственное совершенствование. Оно вдохновляло на борьбу за лучшее будущее, так как грядущий более совершенный строй и грядущая более совершенная нравственность должны сделать человека более счастливым. Ультрароялисты настаивали на пессимизме, утверждая, что человек всегда останется несовершенным в нравственном отношении, что разум его никогда не постигнет тайн бытия и что всегда ему нужна будет жестокая узда в форме абсолютной монархии и католической религии. Палачи и священники, замки и казни всегда будут необходимы для этого неисправимого и по самой своей природе несовершенного существа. В разных планах и с различными интонациями говорили это и Бональд, и Жозеф де Местр, и Шатобриан (в «Гении христианства»), и другие столпы реакции, страстно полемизировавшие с теорией «совершенствования». Вот почему борьба с пессимизмом для либералов 1820-х годов была задачей политически актуальной.

Она имела значение и для роялистов, которые пытались рассматривать реставрацию Бурбонов как утверждение высшей справедливости. Так же рассматривали вопрос и доктринеры, в 1822 году сражавшиеся против реакции плечом к плечу с либералами.

В литературе разрабатывается тема мизантропии. Драма Коцебу «Мизантропия и раскаяние», представленная в Париже в 1799 году, была очень популярна и во время Реставрации. Герои Байрона с их «мизантропическими» настроениями привлекали к себе внимание также и в этом плане. Ричард III и Тимон Афинский Шекспира, Франц фон Моор Шиллера, Черный карлик Вальтер Скотта, всякого рода Люциферы, изобилующие в литературе 20-х годов, эпизодические персонажи, как, например, страшный отшельник и мизантроп в «северном» романе Фан дер Вельде из жизни XVII века («Erzstufen», ч. I), говорят о том, что эта тема шла во Францию широким потоком из «северных» литератур.

Шумахер — последовательный и убежденный пессимист. По каждому поводу он произносит сентенции и из каждого случая делает обобщения пессимистического характера, напоминающие сетования Иова и Экклезиаста, но особенно Тимона Афинского, — эпитафия из этой трагедии украшает XII главу романа. Действительно, идея Шекспира гораздо ближе к намерениям Гюго. Иов приходит к заключению, что пути господни неисповедимы, Экклезиаст среди всеобщей суеты сует находит спасение в некоем среднем благополучии. Но Шекспир учит другому. Его опровержение пессимизма имеет общественно активный характер, так как и бедствия, постигшие Тимона, вызваны не космическими силами, а людьми. Легкомысленный, нелепо разбрасывающий свое состояние, делающий своими друзьями всех без разбора, Тимон сам виноват в своих

бедствиях. Окружающие его люди также виновны, и Алкивиад совершит должное: накажет виновных, оправдает невинных и установит справедливость. Тем самым пессимизм Тимона опровергается, и устанавливается новая точка зрения на

действительность — лишенная мрачного негодования и отчаяния, но вместе с тем далекая и от бессмысленно идиллического отношения к суровой правде жизни.

Литература

1. В предисловии к «Бюгу Жаргалю» (1832) Гюго сообщает, что «Ган Исландец» написан в 1820 году, в предисловии к «Гану Исландцу» (1823) он датирует этот роман 1821 годом. Из письма Гюго к его будущему тестю Фуше явствует, что «роман в духе Вальтер Скотта» был задуман в июле 1821 года. В недатированном письме, приведенном в «Victor Hugo raconte», говорится в прошедшем времени о том, что работа над романом была начата в мае 1821 года и прервана смертью матери (27 июня). Затем Гюго стал готовить к печати первое издание «Од», потребовавшее больших трудов. «Оды и разные стихотворения» («Odes et poesies diverses») появились в свет в начале июня 1822 года. Нужно думать, что работа над «Ганом Исландцем» возобновилась в июне и продолжалась до января 1823 года (январем этого года датировано предисловие). Роман вышел в свет в начале февраля 1823 года. См. «V. Hugo raconte... 1818—1821», стр. 256; то же, 1822—1841, стр. 12; E. Bire "Victor Hugo avant 1830, стр. 287—288.

2. Статья о трагедии Виктора «Гаральд, или Скандинавы». В доказательство того, что Америка интересуется европейцев, Дювике указывает на «Альзиру» Вольтера («Journal des Debats», 6 февраля 1824, стр. 1).

3. О северных древностях в науке и литературе Франции XVIII в. см. T. L. Вес k. Northern antiquities in French learning and literature. 1755—1855. A study in pre romantic ideas, т. II, 1935 (т. II посвящен, так же как и т. I, XVIII веку).

4. Anna Maria Porter. Le reclus de Norvege, 1815; M. Mardelie. Les princes norvegiens, ou le Fratricide suppose, 1818.

5. E. Bire. Victor Hugo avant 1830, стр. 85; Gustave Simon. Victor Hugo auteur dramatique a quatorze ans. — «Revue d'histoire litteraire de la France», 1904; Gustave Simon. L'enfance de Victor Hugo, 1904, стр. 140—150.

5. «Han d'Islande», ed. Hetzel (малый формат), стр. 23, 87, 194. По этому изданию цитируем и в дальнейшем.

6. «Han d'Islande», стр. 23. Страсть Шумахера к интригам и званиям не остыла даже в заключении, и Гюго особо отмечает это. Ср. стр. 194.

7. Эти источники Гюго изучены S.Pens. L'origine de la couleur locale Scandinave dans le «Han d'Islande» de Victor Hugo. — «Revue de litterature comparee», 1929. Можно было бы указать и на некоторые другие источники, например на «Путешествие в Лапландию» и «Путешествие в Швецию» Реньяра.

Toirova D. The aesthetic positions in Victor Hugo's prose. The article deals with the transition of Hugo to new aesthetic positions in the prose "Aude", the novel "Gan Iceland" and "Notre Dame de Paris", which contained much more historical work and knowledge, and in many historical novels of the late 1920s, the local flavor was richer and deeper than in Ghana Iceland.

Тоирова Д. Эстетические позиции в прозах Виктора Гюго. В статье рассматривается переход Гюго на новые эстетические позиции в прозах «Од», романа «Ган Исландец» и «Собор Парижской Богоматери», которые заключили в себе гораздо больше исторического труда и знаний, а во многих исторических романах конца 20-х годов местный колорит был богаче и глубже, чем в «Гане Исландце».